

Глава 1

Самый короткий путь от аэропорта имени генерала Логана в центр Бостона пролегал через полуторакилометровый тоннель Самнера. Темный, сырой, с низкими сводами — казалось, что Самнер построен сотню лет назад. Впрочем, это недалеко от истины. И в пятницу, 24 апреля, теплым весенним вечером, у первокурсника Бостонского университета как раз посреди тоннеля кончилось горючее, из-за чего привычная в час пик двухполосная тянучка на дороге преобразовалась в однополосную. Кейт Придди, которая еще ни разу не была в Бостоне и даже представить не могла, что окажется заблокированной под Бостонской бухтой, сидела на заднем сиденье такси, застрявшего в пробке, и уже начала паниковать.

Это был не первый приступ паники за сегодняшний день. Утром, когда она выходила из своей лондонской квартиры в Белсайз-парке в прохладный серый рассвет, ей внезапно показалось, что квартирный обмен — худшая из авантур, на которую она когда-либо соглашалась. Но она выполнила свои дыхательные упражнения, повторила мантру и сказала себе, что уже слишком поздно идти на попятную. Ее троюродный брат, с которым она никогда не встречалась, в это время летел ночным рейсом из Бостона в Лондон. Он будет обитать в ее жилище на протяжении полугода, а она поживет в его квартире в Бикон-Хилле.

Но приступ паники в застрявшем в темном тоннеле такси был куда хуже всех предыдущих. Она чувствовала себя в нескончаемом тоннеле с изогнутыми гладкими стенами

как внутри огромной змеи. У Кейт свело желудок, во рту пересохло.

Такси ползло вперед. От сиденья шел запах тела и цветочного автомобильного дезодоранта. Кейт хотела открыть окно, но постеснялась, ибо не знала, какотреагирует американский таксист. Снова свело желудок, начались колики. *Когда же я в последний раз ходила в туалет*, подумала она, и ее паника шагнула на следующую ступеньку. Настолько знакомое ощущение, когда сердцебиение учащается, конечности стынут, мир сжимается перед глазами. Но она знала, что делать. В голове звучал голос врача. *Это обычный приступ паники, случайный выброс адреналина. Он не ранит тебя и не убьет, никто даже не заметит. Просто прими. Поброди с ним. Оседлай его.*

Но сейчас совсем по-другому, размышляла Кейт. Опасность воспринималась как абсолютно реальная. И вдруг она снова увидела себя в коттедже на Уиндермире: она сидит, съежившись, в закрытом шкафу, ее ночная рубашка мокрая от мочи, а Джордж Дэниэлз — с другой стороны двери. Сейчас у нее точно такие же ощущения — как будто чьи-то холодные руки внутри скручивают живот, как кухонное полотенце. Выстрел из ружья — и вселяющая ужас тишина, длившаяся нескончаемые часы. Когда ее наконец вытащили, конечности были заостренными, а голосовые связки болели от визга. Она не понимала, как осталась живой, как этот ужас не убил ее.

Звук перекликающихся клапсенов вернул ее обратно в такси. Она отбросила мысли об Уиндермире, о Джордже и сделала глубокий-глубокий вдох, хотя казалось, что грудь что-то сдавливает.

Смирись. Прими. Выпусти это. Пусть время течет своим чередом.

Слова больше не работали, и Кейт почувствовала, как сжимается горло, а легкие неистово пытаются втянуть кислород. В такси стоял такой же запах, как тогда в шкафу, — затхлый

и гнилой, как будто там что-то сдохло много лет назад. Кейт думала о побеге, и переполняющие ее мысли вгоняли в еще большую панику. Она вспомнила о назначенных ей транквилизаторах — бензодиазепинах. Кейт редко их принимала, но всегда брала с собой, как ребенок, который не хочет расставаться с одеяльцем, хотя и не нуждается в нем. Однако таблетки находились в чемодане, который лежал в чертовом багажнике. Она пыталась что-то сказать таксисту, попросить его открыть багажник, но слова застряли в пересохшем горле. В этот момент — и такое случалось множество раз — она была уверена, что действительно умирает. *Приступы паники не могут убить тебя. Конечно, не могут*, думала она. Она зажмурилась, как будто на нее несся поезд. Напрасно она это сделала. Мир растворился в шкафу, заполненном мраком. Смерть подступила слишком близко. Нутро начало плавиться.

Смирись. Прими. Выпусти это. Пусть время течет своим чередом.

Такси продвинулось вперед на расстояние корпуса автомобиля и снова остановилось. От этого непродолжительного движения немного полегчало, словно именно ее мантра заставила машину ехать. Она повторяла спасительные слова снова и снова, чередуя их с дыхательными упражнениями.

Водитель махнул рукой, растопырил пальцы и что-то проворчал в грязное лобовое стекло на непонятном Кейт языке. У нее почему-то сложился стереотип, что американские таксисты — сплошь и рядом низкорослые дядьки в кепках с недокуренными сигарами в зубах. И у них обязательно должны быть громкие голоса. Но этот — в чалме, с густой бородой, — если исключить тот факт, что он сидит с левой стороны, а не с правой, мог вполне сойти за лондонского.

— Далеко ли еще до конца тоннеля? — спросила Кейт через перегородку. Ее голос показался ей надломленным и робким.

— Там впереди что-то есть.

— Здесь всегда так?

— Иногда, — ответил водитель и пожал плечами.

Кейт махнула рукой и, отодвинувшись от перегородки, потерла колени. Машина рывками продвигалась вперед, преодолевая по несколько метров за один раз, но когда они миновали пробку, которую создал «Шевроле», открылись обе полосы, и такси медленно, но верно стало приближаться к выезду из тоннеля. Кейт сделала глубокий вдох носом и выдох через рот. Она разжала кулаки, похрустела суставами и начала по очереди постукивать большим пальцем по кончикам остальных. Дыхание немного восстановилось.

Они наконец выехали из тоннеля, и едва Кейт успела заметить проблески распущенных облаков, громоздящихся в небе, как такси нырнуло в следующий тоннель, правда, пронеслось сквозь него без всяких заторов. Прежде чем они выскочили на другую скоростную дорогу, выющую вдоль берега реки Чарльз, таксист успел наверстать потерянное время. Было достаточно светло, и Кейт смогла разглядеть слева задние стены кирпичных домов. По гладкой поверхности реки скользила спортивная гребная лодка.

Неожиданно водитель резко взял влево и выехал на узкую дорогу. Площадь, кирпичные дома на другой стороне, цветущие деревья вдоль тротуара.

— Бери-стрит, — сообщил таксист.

— Дом номер сто один.

— Понял.

Таксист разогнался, затем притормозил и внезапно остановился перед кирпичной аркой с вырезанными цифрами «101», заехав одним колесом на тротуар. Кейт удалось рассмотреть дворик с низеньким фонтанчиком, защищенный с трех сторон стенами трехэтажного п-образного жилого дома. Немного болел желудок — отголоски паники, — и она почувствовала вину перед своим троюродным братом Корбином Деллом, прибывшим в тот же день в ее заурядную квартиру в северной части Лондона. Но он знал, на что шел. Перед этим они обменялись

несколькими письмами. Ее двухкомнатная квартира была уютной, недалеко от метро, но Корбин, если верить присланным фото, являлся обладателем чего-то роскошного, как в романах Генри Джеймса¹. Тем не менее ее удивил вход во двор — прямо как итальянский, совсем не похожий на ту небольшую часть Бостона, которую она успела увидеть.

Она стояла на обочине, а водитель тем временем доставал ее багаж — чемодан на колесиках и большую спортивную сумку. Доллары она купила в своем лондонском банке еще на прошлой неделе, поэтому без проблем заплатила таксисту тонкими бумажными банкнотами. Правда, точно не знала, сколько оставлять чаевых, так что, возможно, дала больше, чем следовало бы. Когда он отъехал, она поставила спортивную сумку на чемодан с колесиками и направилась в арку.

Она прошла через двор, вымощенный плитами и кирпичом, как вдруг распахнулась центральная дверь и из нее вышел темнокожий привратник с седыми, слегка несимметричными усами.

— Эй, привет, — помахал он ей рукой. Он был одет в длинный коричневый плащ поверх костюма и форменную фуражку. Под фуражкой — очки с толстенькими линзами в темной оправе.

— Привет, — попыталась улыбнуться Кейт. — Я Кэтрин Придди, должна остановиться в квартире Корбина Делла.

— Ага. Я в курсе. Мистер Делл переезжает на полгода в Лондон, а вы — сюда. Подозреваю, Лондон много потерял, а Бостон приобрел. — Он подмигнул ей, и напряжение, которое все еще сжимало грудь, отступило.

— Не знаю, — призналась Кейт.

— Я редко ошибаюсь, — уверял он. Кейт где-то читала, что бостонцы печально известны отсутствием теплого отношения

¹ Генри Джеймс (1843—1916) — американский писатель, за год до смерти принял британское подданство. Его романы считаются вершиной американского психологического реализма. В конце XIX века возрождает жанр мистического рассказа о привидениях.